

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Кузьмина Р. П. Семантика пищевых запретов в лингвокультуре эвенов / Р. П. Кузьмина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 231—249. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-231-249.

Kuzmina, R. P. (2025). Semantics of Food Taboos in Linguistic Culture of Even People. *Nauchnyi dialog*, 14 (2): 231-249. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-231-249. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Семантика пищевых запретов в лингвокультуре эвенов

Кузьмина Раиса Петровна
orcid.org/000-0003-4964-3448
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник
raisakuzmina2013@yandex.ru

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных
народов Севера Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

Semantics of Food Taboos in Linguistic Culture of Even People

Raisa P. Kuzmina
orcid.org/000-0003-4964-3448
PhD in Philology
senior research scientist
raisakuzmina2013@yandex.ru

The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается семантика пищевых запретов в языке и культуре эвенков. Новизна исследования видится в том, что впервые исследуется семантика пищевых запретов в системе малых жанров эвенского фольклора, определяются место и роль пищевых запретов в обрядовой и духовной культуре этноса. Вводятся в научный оборот материалы по пищевым запретам, зафиксированные в ходе полевых исследований. Актуальность исследования обусловлена тем, что значимость запретов в обществе и традиционной культуре до сих пор остаётся недостаточно изученной. Запреты рассматриваются как важная часть фольклора, обычаев и традиций, как образцы народной культуры, выступающие основой народной педагогики и отражающие нравственные ценности и духовность народа. В статье приводятся определения безэквивалентных лексем, характерных для языка, используемого в жанре запретов-оберегов. Доказано, что большинство пищевых запретов-оберегов состоят из двух компонентов: в первой части содержится повеление о запрете, а во второй — объяснение причины этого запрета. Предлагается классификация пищевых запретов по 8-ми тематическим группам, в том или ином аспекте характеризующим особенности пищевого кода культуры эвенков. Подчеркивается, что согласно традиционной народной культуре в основе этого кода лежат основные принципы гармоничного сосуществования человека с окружающим пространством.

Ключевые слова:

пищевой код культуры; пищевые запреты у эвенков; лингвокультура; семантика; языковая картина мира; обряд; обычаи; фольклористика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the semantics of food taboos within the language and culture of the Even people. The novelty of this research lies in its pioneering examination of food taboos within the system of minor genres of Even folklore, identifying their place and role in the ritual and spiritual culture of the ethnic group. The study introduces materials on food taboos collected during field research into academic discourse. The relevance of this research is underscored by the fact that the significance of taboos in society and traditional culture remains insufficiently explored. Taboos are viewed as an essential part of folklore, customs, and traditions, serving as exemplars of folk culture that underpin popular pedagogy and reflect the moral values and spirituality of the people. The article presents definitions of non-equivalent lexemes characteristic of the language used in the genre of protective prohibitions. It is demonstrated that most food taboos consist of two components: the first part contains a command prohibiting an action, while the second provides an explanation for this prohibition. A classification of food taboos is proposed, organized into eight thematic groups that characterize various aspects of the food code in Even culture. It is emphasized that, according to traditional folk culture, the foundation of this code lies in the fundamental principles of harmonious coexistence between humans and their surrounding environment.

Key words:

food code of culture; food taboos among the Even people; linguistic culture; semantics; linguistic worldview; ritual; custom; folklore studies.

Семантика пищевых запретов в лингвокультуре эвенов

© Кузьмина Р. П., 2025

1. Введение = Introduction

Запреты-обереги, будучи неотъемлемой частью обрядовой культуры эвенов, отражают мифологические воззрения и являются сводом правил, основой воспитания подрастающего поколения, регуляторами поведения человека в обществе, его отношения к окружающему миру. Жанр запретов-оберегов относится к одному из архетипических фольклорных жанров, дошедших до наших дней в неизменном виде. В современном мире, в ситуации искажения нравственных ориентиров, исчезновения миноритарных языков и культур, необходимость сбора и изучения запретов становится особенно актуальной. М. Е. Роббек отмечала: «Основная проблема цивилизации — утрата связи человека с природными ритмами. По поверьям эвенов, пища является основой жизни человека, поэтому в ней аккумулированы мудрость и вековой опыт народа» [Роббек, 2007, с. 79]. По мнению С. А. Арутюнова, «пища — это тот элемент материальной культуры, в котором более других сохраняются традиционные черты, с ним более всего связаны представления народа о своей национальной специфике, и в то же время он легче и быстрее других поддается заимствованиям, вариациям, модификациям и новациям» [Арутюнов, 2001, с. 10].

В последнее время растёт число научных трудов, посвящённых изучению пищевых табу в культуре питания народов России. Так, в статье А. В. Алдын-оолова рассмотрены ключевые аспекты запретов, присущих национальной тувинской кухне [Алдын-оолов, 2015]. Л. Г. Романовой представлено описание пищевых предписаний и ограничений, характерных для якутской культуры. В частности, автор уделяет особое внимание ограничениям, связанным с беременностью, свадебными церемониями и погребальными ритуалами, считающимися обрядами перехода. Также Л. Г. Романова анализирует ограничения, налагаемые на детей, обусловленные стремлением сохранить их здоровье и жизнь [Романова, 2019]. О. Б. Степановой проведено исследование, посвящённое осмыслению значения пищи в ключевых церемониях селькупской культуры. В своей работе она выделяет два вида пищи в селькупских ритуалах: приношения духам и пищу для людей

[Степанова, 2024]. Широкий спектр пищевых ограничений, свойственных в традиционной культуре тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, рассмотрен в статье М. М. Содномпиловой [Содномпилова, 2024].

По смысловому содержанию эвенские *төннэкич* ‘запреты-обереги’ близки к эвенкийским одё ‘запрет, оберег, табу’, коррелятом эвенкийской лексемы выступает эвенское слово *одявки* с семантикой ‘запрет, табу’, функционирующее в охотском диалекте и в ламунхинском говоре. По словам Г. И. Варламовой, эвенкийское одё — это «система запретов, регламентирующая поведение человека в обществе и его отношения с окружающей средой» [Варламова, 2004, с. 55].

Новизна исследования состоит в том, что впервые изучается семантика пищевых запретов-оберегов в эвенской лингвокультуре, предлагается их классификация по тематическим группам, дающая возможность более подробно исследовать важность этих запретов в пищевом коде культуры этноса. Ранее А. А. Бурыкиным была дана общая классификация всех запретов-оберегов по десяти тематическим группам: «1) Запреты, связанные с религиозными представлениями о духах-хозяевах; 2) Запреты, связанные с живой природой — животными и растениями; 3) Запреты, относящиеся к жилищу, орудиям труда, предметам домашнего обихода; 4) Запреты, связанные с человеком; 5) Запреты, связанные с общением людей; 6) Запреты, связанные с беременностью, рождением и воспитанием детей; 7) Запреты, связанные с представлениями о мире мертвых; 8) Суеверия различного рода с; 9) Запреты, связанные выражением чувств и эмоций; 10) Запреты, связанные с использованием различных языковых средств (словесные табу)» [Бурыкин, 2001, с. 93].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

До 1960-х годов запреты-обереги не выделялись как отдельный жанр эвенского фольклора. Первые записи запретов были опубликованы С. Н. Николаевым в 1964 году. В книгу вошли 50 охотничьих и общих запретов, записанные им у томпонских и оймяконских эвенов. Пять образцов запретов-оберегов, зафиксированные в 1974 году у эвенки из п. Анавгай Быстринского района Камчатской области, были опубликованы Ж. К. Лебедевой в 1985 году [Лебедева, 1985].

В последние десятилетия, начиная с 90-х, стало больше внимания уделяться сбору и документированию малых жанров эвенского фольклора, в том числе и запретов-оберегов. В работе «Душа эвена», опубликованной Е. Н. Боковой в 1998 году, представлены 105 оберегов, которые связаны с культом огня, почитанием духа земли, охотой, социальными нормами и оленем. Кроме того, книга «Эвенский фольклор», изданная Е. Н. Боко-

вой на эвенском языке в 2002 году, содержит 88 оберегов. В монографию В. А. Роббека «Фольклор эвенов Березовки (образцы шедевров)» включены 60 запретов-оберегов с переводом на русский язык, записанные у березовских эвенов [Фольклор ..., 2005].

Монография А. А. Бурыкина «Малые жанры эвенского фольклора: загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы» — это единственное двуязычное издание, в котором систематизированы образцы 236 запретов-оберегов, собранные автором у восточных эвенов, а также опубликованные ранее [Бурыкин, 2001].

В статье методом сплошной выборки использованы 6 пищевых запретов-оберегов, записанных С. И. Николаевым [Николаев, 1964], пять пищевых-запретов, включенных в работу «Эвэн һаньинни» (Душа эвена) Е. Н. Боковой [Бокова, 1998], монография А. А. Бурыкина, куда введены восемь пищевых запретов-оберегов [Бурыкин, 2001].

Также были применены материалы из книги «Ойотунгцы из Аллайхи: (Историко-этнографические очерки)» Е. В. Едукина, опубликованной в 2001 году [Едукин, 2001]. Кроме того, в статье привлечены материалы, собранные автором в ходе полевых исследований у эвенов с. Себян-Кюель Ламунхинского наслега в Якутии.

Для анализа и интерпретации полученных данных применялись следующие методы: описательный метод, функционально-семантический подход и методы лингвокультурологического анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В культуре эвенов запреты-обереги связаны с религиозными представлениями народа, демонстрируют анимистические и тотемистические воззрения, иллюстрируют отношение человека-эвена к природе, сакрализацию и персонификацию окружающего пространства.

В двуязычных словарях полисемичная лексема *төннүэкич* дается с дефиницией ‘предосудительно, грех, грешно; запрет, табу’ [ССТМЯ, т. 2; ЭРС]. В языках тунгусо-маньчжурской группы данная лексема зафиксирована только в эвенском языке, что дает основание полагать, что корень *төннүэ-* ‘грешить, быть грешным; верить в грехи; *перен.* быть беременной’ [ССТМЯ, т. 2; ЭРС], возможно, был заимствован из языков чукотско-корякской группы. О сходстве слов, обозначающих запрет в эвенском и чукотском языках, упоминал и А. А. Бурыкин. Он отмечал, что слова, означающие запрет, в этих языках имеют сходное звучание и значение [Бурыкин, 2001, с. 100]. В текстах пищевых запретов встречаются также лексемы, относящиеся к табуированным: *хинимкин* ‘грех, грешно; нельзя’, *нёнъ* ‘нельзя, запрещено; грех, грешно’ [ЭРС].

В лингвокультуре эвенков пищевые запреты-обереги можно разделить на несколько тематических групп в зависимости от их значения и особенностей функционирования.

3.1. Пищевые запреты-обереги, относящиеся к умилостивлению духов-хозяев (*төр мусанни* ‘дух земли’, *төр муранни* ‘дух земли’, *тог мусанни* ‘дух огня’)

Данная группа пищевых запретов-оберегов обладает предостерегательной функцией, в их семантике усматривается строгая запретность. В мифологическом сознании эвенков такие тексты пищевых запретов относятся к сакрализованным запретам, в них обнаруживается мистическая вера в сверхъестественное, вера в наказание за совершенное: *Хисэчин дебэдникэн, дебэни даяваттий төрлэ мултуми, эди дептэ — нөне, улэли. Та-вар хи нөнич, кэнелич хогначавус төнүэкич хами дебэнуус тен гөвэттэ //* Если вечером во время еды уронишь еду на землю, то **не** поднимай ее, оставь — **грех**. Говорят, что, зная о том, что ты живешь **грешно**, у тебя отобрали еду [Фольклор ..., 2005, с. 292]; *Деплэв тикчэв экич гявра гад -укал депчэ, төнүэкич, төр мурандун дебэвчэ //* Еду, упавшую в землю, второй раз не бери — **грешно**, она уже съедена **хозяином земли** [Бурыкин, 2001, с. 206—207].

Умилостивление *духа огня* в мифологическом сознании эвенков через механизм символизации должно было создать основу для счастья и благополучия рода. Кормление огня относится к обязательным ритуальным действиям, сопровождающим важные события в жизни человека, и воплощено в ряде пищевых запретов: *Тогу уличиннэй (деплэв улэннэ) эди омугарар — тог ундин //* Не забывай о том, что надо покормить огонь (бросить туда еду) — огонь погаснет [Бокова, 1998, с. 38; Бурыкин, 2001, с. 203]; обычаев — *Ануамтав деплэв дебэдилми, дюллэ тогду улэнмэй //* Начиная есть какую-то еду, надо сначала бросить кусочек в огонь [Бокова, 1998, с. 50; Бурыкин, 2001, с. 225].

В традициях других народов также можно найти упоминания о почитании духа огня. Например, у чукчей есть обычай кормить огонь во время праздника, посвященного молодому оленю [Дьячкова, 2001, с. 265].

У селькупов человек, вернувшийся в родные места, совершает обряд умилостивления огня, чтобы сообщить о своём возвращении. Огонь в этом случае становится связующим звеном между миром живых и миром духов [Степанова, 2024, с. 50].

3.2. Пищевые запреты-обереги, обусловленные почитанием тотемных предков и сакрализацией животных

В культуре эвенков выделены пищевые запреты, связанные с почитанием тотемных предков и сакрализацией животных. Например, у эвенков

существовал целый комплекс ритуальных действий, проводимых во время разделки и приготовления медвежьей тушей. Переднюю часть туши привозили в стойбище и отмечали медвежий праздник Уркачак. Уркачак был внутренним праздником мужчин одного стойбища, одного рода. Во время праздника мясо ели, отрезая маленькие кусочки ножом. Откусывать мясо зубами было запрещено, чтобы не рассердить священного зверя. Приём пищи чередовался со спортивными состязаниями и общим весельем. После этого привозили и варили заднюю часть туши, которую уже могли есть и женщины. Самая старшая из них, получив первый кусок медвежьего мяса, бросала его в огонь очага. Это делалось в знак благодарности и искупления перед священным животным [Тураев и др., 1997, с. 121].

У быстринских эвенов готовка медвежьего мяса была прерогативой мужчин, женщины в это время уходили в самую дальнюю юрту и никогда не смотрели, как мужчины варят мясо. После того как мясо было приготовлено, самый уважаемый мужчина в семье усаживался и разливал отвар. Он вынимал куски медвежатины и нарезал их. Сначала он нарезал сердце мелкими кусочками и говорил, что это камень. Все присутствующие бросали эти кусочки в сторону своего носа, как будто это были камешки. Затем он нарезал глаза и делил их между всеми. Он кричал, как ворон: «Куг! Куг!» Его сородичи повторяли за ним. Нарезав медвежий язык и поделившись им со всеми, он придыхал: «Эхэ-эхэ-эхэ». Все присутствующие повторяли за ним. Женщины не участвовали в трапезе. На этот праздник допускались только очень старые женщины. Старым женщинам предлагали мясо с лап, прежде чем они начинали есть, они проводили обряд благодарения. С подростками, впервые участвовавшими в медвежьей охоте, проводился обряд посвящения в охотники, заключавшийся в том, что старейшина клал им в рот кусочки мяса и обмазывал их подбородки кусочком медвежьего лёгкого, говоря при этом, что теперь они стали настоящими добытчиками-мужчинами. Этот мужской праздник длился три дня, пока всё медвежье мясо не съедалось [Кастен и др., 2014, с. 175—179].

В культуре якутов существовала традиция, согласно которой мужчины могли есть мясо медведя только после проведения определённых обрядов. Женщинам же было запрещено употреблять медвежатину, поскольку согласно якутским преданиям медведь в древности был женщиной, поэтому считалось, что он мог принимать облик женщины [Саввин, 2005, с. 52]. Ранее у якутов существовал обычай, который предписывал, чтобы участники охоты выпивали тёплую кровь медведя, съедали кусок его сырой печени, сердца и жира после того, как он был убит. После этого они трижды выкрикивали «ух!», обращаясь к небу, и считали, что это защищало их от возможной мести со стороны медведя [Серошевский, 1993, с. 637].

У орочей женщины могли присутствовать на пиришестве, но сидели отдельно, и, как пишет С. В. Березницкий, «они тоже получали свою порцию мяса, причем женщинам из рода охотника — хозяина медведя — разрешалось есть мясо только с внутренней стороны задних ног зверя... Половой член самца ели только старики. Этот обычай символизировал идею возрождения зверя. Кроме того, считалось, что так можно восстановить мужскую силу. Косточка члена не выбрасывалась. Собрав несколько таких косточек, орочи украшали ими берестяной сосуд и дарили его бесплодной женщине в качестве лечебного талисмана» [Березницкий, 1999, с. 83—84].

В культуре эвенов до сих пор существуют определённые запреты, соблюдаемые во время съедания медвежьего мяса. Когда эвены едят медвежатину, они не должны говорить, что едят именно медвежье мясо. Вместо этого они используют особое слово *кунамдудай* (Лам), что означает ‘есть мясо медведя’ [ПМА, 2005], или — восточные эвены — слово *кунакатлилдай* [ЭРС] с тем же значением. Кроме того, при поедании медвежьего мяса эвены обязательно подражают ворону, издавая характерные звуки, напоминающие карканье.

В большинстве групп эвенов гагара почитается как священная птица, и её употребление в пищу находится под строгим запретом. У томпонских эвенов существовал обычай, согласно которому женщинам и девушкам запрещалось есть гагару, поскольку считалось, что в случае нарушения этого запрета дети могут родиться заиками или немыми [Николаев, 1964, с. 197]. Истоки такого запрета восходят к мифам творения, где гагара выступает помощником демиурга при сотворении земли. Деревянная фигура гагары помещается на столбах шаманской могилы, так как она является духом-защитником шамана [Иохельсон, 2005, с. 316].

Подобное почитание гагары отмечено и в культуре ненцев. Легенда гласит, что в то время, когда птицы были людьми, у гагары были олени. Однажды человек-гагара перегнал стадо между двумя озерами, но человек-халей своим криком напугал оленей, которые повернули на ветер и растоптали человека-гагару. Теперь перед грозой гагара призывает оленей бежать за озеро. Красивое оперение гагары напомнит парк, а кости крыльев и ног выглядят будто сросшимися после переломов [Харючи, 2012, с. 87].

В культуре якутов гагара, подобно кукушке, ворону и чайке, занимает важное место в шаманских ритуалах. Кулик и куропатка же считаются птицами, наделёнными магическими свойствами [Серошевский, 1993, с. 633].

У некоторых эвенских родов зафиксирован запрет на убийство гусей и поедание их мяса, восходящий, возможно, к древнему тотемистическому культу. По данным полевых исследований, один из родов, вошедших в состав ламунхинского рода эвенов, мог иметь связи с юкагирами гусяного

рода (эрбэчкэнами), проживавшими на территории северо-западного Верхоянья. У юкагиров существует поверье, что Гусиный род назван так потому, что один из шаманов этого рода превратился в стерха и улетел вместе с птицами [Иохельсон, 2005, с. 176; Прокопьева, 2009, с. 57].

В повести «Охотник Тормита» А. В. Кривошапкин приводит предание, которое услышал главный герой Тормита от своей матери в детстве. Предание рассказывает о том, как однажды в давние времена над эвенским родом нависла большая беда. В лесах и тундре исчезли звери, а в озёрах и реках не стало рыбы. Наступил страшный голод, и начался мор. В этот трудный момент на обезлюдевшие стойбища прилетели гуси. Они унесли на своих крыльях в тёплые края нескольких детей эвенков. Весной, когда снег растаял, гуси вернулись с подросшими детьми обратно. После этого чуда прошло некоторое время, и в стойбищах снова стали появляться на свет эвенские дети. Именно от них пошёл весь эвенский люд. В конце рассказа мать Тормиты говорит: «Своей жизнью мы обязаны гусям» [Кривошапкин, 2018, с. 114—115].

В традиционной культуре эвенков мясо тотемных птиц, таких как лебедь и орел, считается священным и запретным. Орел является тотемом эвенского рода кара (карамжо, каранут). У представителей этого рода есть легенда о том, как мальчик из их рода убил орла, и после этого его мать ослепла. Подобное почитание орла можно увидеть и в культуре якутов, где его называют тоён-кыл (господин-тварь) [Серошевский, 1993, с. 633].

3.3. Пищевые запреты-обереги, принятые в погребальной обрядности эвенков

В погребальной обрядности пищевые запреты соблюдаются и в настоящее время и играют ключевую роль. Когда готовят гроб, тело умершего одевают по сезону и кладут в доме головой к восходу. Рядом, справа, на специальном подносе оставляют его любимую еду. После похорон забивают верхового оленя покойного. Не допускается убивать необученных оленей, так как считается, что покойному будет трудно на нём отправиться в мир иной. Мясо убитого оленя обязательно делят между всеми родственниками умершего и соплеменниками, помогавшими в похоронах.

В связи с этим весьма интересным является аналогичный похоронный обряд, описанный И. А. Худяковым у ламутов Верхоянского округа: «После погребения поздно вечером родственники покойной разделили ритуальных оленей, мясо занесли в юрту, стали его варить и ели несколько дней. В другие юрты мясо не посылали, не было на поминальной трапезе и гостей. “Чужие это мясо не едят, — пояснили родственники, — иначе душа оленя не попадет к покойной. Мы верим, что она не умерла, а уехала жить в другое место, и, чтобы там не ходить пешком и иметь все нужное,

мы послали ей оленей и отдали часть имущества»» [Худяков, 1969, с. 112; Тураев и др., 1997, с. 114—115].

Во время похоронного обряда аллаховские и нижнеколымские эвены забивают оленя ножом в сердце и снаряжают его व्यоками. Они отделяют рога с лобашами, привязывают их к кресту могилы и шкуру оленя снимают чулком, не повреждая жилки. Мясо, отделённое от костей, называют «хордэ». Его можно есть всем, кроме близких родственников умершего [Едукин, 2001, с. 99; Шарина и др., 2018, с. 168].

По свидетельству Я. Линденау, во время похорон охотские ламуты в качестве жертвенного животного закалывали собаку и угощали дух огня, клали ее в могилу, а остальное съедали сами и возвращались домой [Линденау, 1983, с. 68].

3.4. Пищевые запреты, принятые в свадебном обряде

Во время свадебного обряда соблюдались определённые пищевые запреты, являющиеся частью ритуала. Гижигинские эвены во второй день свадьбы, согласно описанию У. Г. Поповой, проводили особый ритуал. Перед тем как приступить к угощению, которое приготовила и предложила молодая, каждый из гостей, начиная со старшего по возрасту, бросал кусочек еды в костёр. Это делалось в знак пожелания счастья молодой семье. Чем ярче вспыхивал костёр, тем больше счастья он «ворожил» молодым. Если костёр в очаге горел плохо, то резали ещё одного, самого лучшего и жирного оленя из стада молодых. Его кровью и жиром «кормили» огонь в знак умиловления духа огня-очага [Попова, 1981, с. 158].

3.5. Пищевые запреты, связанные с беременностью женщины

Пищевые запреты-обереги, которые соблюдаются во время беременности, направлены на то, чтобы уберечь женщину и будущего ребёнка от болезней. К примеру, считается, что мясо горного барана по своим свойствам является «тяжелым» и его не стоит есть больным людям и беременным: *Хутэлбэчэ асиду уямкам, эгдетэ, мунрукан улдэвэн энмэй бөр* // Беременной женщине **нельзя** давать мясо снежного барана [Бурыкин, 2001, с. 210; Бокова, 1998, с. 50]; *Бууно ахи хяюм эхни дебгэрэр — куан дхаллан один* // Беременная женщина **не ест** мясо налива — ребенок станет слюнявым [ПМА, 2005].

Беременная женщина не должна есть кончик толстой кишки оленя, поскольку это может привести к удушью ребёнка во время родов [ПМА, 2005].

Посуда беременной женщины не должна пустовать, так как это может ускорить отхождение вод во время родов. После родов женщине обычно дают уху из карасей или чай с молоком, чтобы у неё было достаточно грудного молока. Нос новорождённого ребёнка мазали оленьим молоком,

чтобы он познакомился с её вкусом и запахом. Это также делалось для защиты — чтобы душа ребёнка не пугалась.

3.6. Пищевые запреты-обереги в питании детей

Многие запреты на употребление в пищу определённых частей тела животных и рыб распространяются в первую очередь на детей. В семантике запретов выражено предостережение, несоблюдение которого влечет наказание — смерть одного из родителей или родственников: *Детям запрещалось есть придаток печени животных — осиротеет* [Николаев, 1964, с. 197; Бурыкин, 2001, с. 250].

У эвенов, проживающих в Томпонском и Оймяконском районах, существует запрет на употребление в пищу хрящевой ткани лопаточной кости. Согласно легенде, которую приводит С. И. Николаев, в древние времена дядя по материнской линии начал обижать одного из своих племянников, кормя его объедками. Несчастный, грызя пустую лопаточную кость, проклял своего дядю, и тот умер. Поэтому, чтобы избежать подобной участи, не стоит употреблять в пищу лопаточную кость [Николаев, 1964, с. 197].

Многие пищевые табу, основываясь на установках симпатической магии, служат предостережениями от возможных заболеваний, например, детям запрещалось употреблять в пищу предреберье животных, поскольку считалось, что это могло привести к развитию воспаления лёгких. Кроме того, девочкам было запрещено есть затылочное мясо, поскольку это могло вызвать судороги в области шеи. Детям также запрещалось употреблять в пищу костный мозг, так как это могло привести к проблемам с зубами. Ещё не заговорившим детям не давали есть кровяную колбасу из кобыльего мяса, поскольку считалось, что это повлечет за собой остановку в речевом развитии. Детям не разрешалось употреблять в пищу говяжий бульон — это могло привести к потливости [Там же].

В отношении селезёнки как части тела животных у эвенов различных групп существуют семантически противоречивые запреты. Так, в записанном С. И. Николаевым у томпонских и оймяконских эвенов запрете детям запрещается есть селезёнку, поскольку это может привести к заболеванию этого органа в ответственный момент [Там же]. У эвенов, населяющих Ламунхинский наслег, этот запрет приобретает необычное для тех мест семантическое наполнение. Существует поверье, согласно которому девочке следует употреблять в пищу селезёнку, чтобы в будущем стать искусной мастерицей по выделке шкур [ПИМА, 2005].

Символическим смыслом обладает существующий у эвенов запрет на поедание заячьего сердца детьми: съесть сердце зайца или куропатки — станешь трусливым. В современном обществе подобные ограничения зачастую облакаются в ироническую форму и не воспринимаются всерьёз.

Такие же семантически близкие пищевые табу встречаются в культуре якутов и монголов [Худяков, 1969, с. 202; Содномпилова, 2024, с. 74].

3.7. Пищевые запреты, касающиеся воспитания и этических принципов поведения в обществе

В эвенской лингвокультуре большинство пищевых запретов-оберегов связано с воспитанием и этическими нормами. Эту группу запретов можно разделить на три типа: 1) Запрет, который устанавливает правила поведения человека в быту, без пояснений: *Юноша, чтобы показать мужскую гордость, достоинство и отсутствие ребячества, в гостях не должен есть или же в гостях не должен оставлять на тарелке рыбу голову или костный мозг* [Бурыкин, 2001, с. 43]; 2) Запреты, основанные на представлении о греховности тех или иных поступков.: *Нельзя есть в головном уборе — грешно* [Николаев, 1964, с. 199]; *Пищу нельзя выливать через тыльную сторону ладони — грешно* [Там же]; 3) Пищевые запреты с пояснениями о возможном наказании за его нарушение: *Дэсчиникэн энмэй дептэ-мэний нуууччинри // Нельзя лежать — сам себя проклянешь (навлечешь на себя проклятие)* [Бокова, 1998, с. 46]; *Омолго куна итикив эхни чувгарар — ат буюсэмүлэ овран // Мальчик не должен лизать мутовку — станет неудачливым охотником* [ПМА, 2005].

В культуре эвенов существуют обычаи, в которых имеются запреты-установки, касающиеся поведения во время еды, обладающие воспитательной функцией, где функцию запрета выполняет индикатив *энмэй* ‘отсутствие чего-либо’, например: *Хоя бэйнюн дебэтникэн мэн дюдлэдукий ганмай, дьуллэ-нюн энмэй наутир // Когда вместе сидят и едят много людей, надо брать еду прямо перед собой, нельзя хватать раньше еду раньше всех* [Бокова, 1998, с. 50].

Эвены делились с соседями самыми лучшими кусками мяса и рыбы, соблюдая обычай *нимат* ‘доля, пай (дарственный от охоты, часть добычи при разделе); обычай отдавать добычу в дар старшему для распределения ее поровну между соседями’ [ЭРС], функционирующий и в настоящее время в местах компактного проживания эвенов. При этом посуду обязательно накрывали веткой тальника. Если человек получал угощение, то он должен был обязательно положить на посуду что-то в ответ [Шарина и др., 2018, с. 168].

3.8. Пищевые запреты, касающиеся поедания частей тела животных и птиц

В традиционной культуре эвенов выявлено множество пищевых запретов, которые призваны защитить людей. Они определяют, какие части животных и птиц можно есть, а какие нельзя, а также объясняют причины этих запретов. Эта группа пищевых запретов обладает бережной и предо-

стерегательной функциями. Запреты состоят из двух частей: первая часть содержит императивные конструкции — отрицательные формы повелительного наклонения *эди* ‘нельзя’, *эстэн* ‘нельзя’, форма желательного действия *эмэй* ‘отсутствие чего-либо’, производные от отрицательного глагола *эдэй* с дефиницией ‘не делать чего-либо, не совершать какого-либо действия’; вторая часть — объяснение последствий нарушений запрета.

В этой группе выделено больше всего пищевых запретов с компонентом *олень* с различной коннотацией. Пищевые запреты с компонентом *олень* обладают предостерегательной функцией и нравственной установкой, их нарушение может привести к негативным последствиям. Например, в разговорном дискурсе ламунхинских эвенов существует запрет на употребление в пищу хвостовой части мяса оленя. Согласно этому запрету, человек, который съест эту часть туши, может стать морально неустойчивым и безответственным: *Орон ховдиван эстэн дебгэрэр — колдику одинни* // Хвостовую часть оленя **нельзя** есть — станешь легкомысленным [ПМА, 2005]. Образная лексема *колдику*, не зафиксированная ранее в словарях, в ламунхинском говоре эвенского языка используется с прямой дефиницией ‘легкомысленный, безответственный’, производна от эвенкийской зоолексемы *колдоке* со значением ‘бабочка’ [ССТМЯ, т. 1]. В лингвокультуре ламунхинских эвенов слово *колдику* обладает негативной коннотацией и характеризует человека ведущего не совсем праведный образ жизни.

У ламунхинских эвенов существует табу на употребление в пищу кончика языка оленя, распространяющееся на детей и представителей молодого поколения. По поверью, это может сделать человека сварливым, что не приветствуется в эвенском социуме: *Орон енуэн хурэвэн эстэн дебгэрэр — бябаку одинни* // **Нельзя** есть кончик языка оленя — сварливым станешь [ПМА, 2005].

Семантически схожими выступают пищевые табу, отмеченные у монголов и якутов: у них запрещалось давать детям кончик языка из опасений, что он мог стать болтливым или бранчливым [Худяков, 1969, с. 202; Содномпилова, 2024, с. 74].

У эвенов Гижиги был отмечен запрет-установка, по которому поедание оленьего языка у рода дялланкар считается табуированным: *Дялланкар эстэн оран енуэвэн деббэттэ — төнүэвэттэ* // Эвены рода дялланкан **не едят** олений язык — соблюдают запрет, избегают (Гижига (Охотское побережье), В. Е. Кундырь) [Бурыйкин, 2001, с. 207].

Оленные чукчи наделяли сакральным смыслом кончики языка, сердца и третий отдел желудка оленя, полагая, что эти части предназначены для духов и не должны быть употреблены в пищу [Дьячкова, 2001, с. 265—266].

Пищевые запреты, имеющие предостерегательный характер, репрезентируют бережное отношение человека к оленю: *Оран уггон эди дебгэрэр -учики дагарамкандинри* // **Не ешь** олений лен (волокну в мясе на спине) — твой верховой олень набьет себе спину [Бурькин, 2001, с. 207; Бокова, 1998, с. 46].

4. Заключение = Conclusions

В культуре эвенов многие предписания, нормы поведения, заложенные в запретах-оберегах, не забыты и выполняются и в настоящее время. Составляя основу народной педагогики, они отражают нравственные ориентиры и служат уникальным мериллом духовности. В эвенской лингвокультуре образцы этого жанра по семантическому содержанию и по функциям довольно близки к итка (обычай, традиция; закон, уставу) эвенов. Большая часть пищевых запретов имеют своей основой умилоствление духов-хозяев, почитание тотемных животных, отражая архетипические представления эвенов о мире и являясь важной частью их религиозных взглядов. В этнической лингвокультуре многие табу, связанные с медведем, остаются практически неизменными. Пищевые запреты, принятые в свадебном обряде, можно рассматривать как нормы, регулирующие нравственные принципы и способствующие счастливой жизни молодожёнов. В предписаниях для роженицы присутствует мотив бережной функции (для сохранения здоровья беременной женщины и плода). Сохранились у эвенов по настоящее время также пищевые установки и предписания в похоронной обрядности. Они служат для того, чтобы умилоствить душу усопшего и создают ритуальный этикет. Пищевые запреты, касающиеся детей, имеют гендерную специфику, определяют правила поведения для мальчиков и девочек и служат своего рода оберегами.

В эвенской лингвокультуре пищевые запреты можно условно разделить по различным основаниям: по виду обрядности (в свадебном обряде, в погребальной обрядности), по этапам жизненного цикла человека (при кормлении детей, в период беременности), по сакральному объекту магического воздействия (умилоствление духов-хозяев, почитание тотемных предков и сакрализация животных); по функции (социальная: запреты, связанные с воспитанием и общественными нормами этики; врачебная, магическая: употребление определённых частей тела животных и птиц в пищу).

В эвенской лингвокультуре имеется особая система лексических и грамматических средств, выражающих запрет, разнящихся по смысловому содержанию и характеру применения. Используются отрицательные императивные конструкции: *эди* 'нельзя', *эстэн* 'нельзя', *экич* 'нельзя, невозможно'; формы желательного действия *энмэй*: 'отсутствие чего-либо',

эһи ‘не делать чего-либо’, производных от отрицательного глагола *эдэй*, означающего ‘не делать чего-либо, не совершать какого-либо действия’.

Эвенские формулы запрета включают в себя сакрализованную лексику, жанрово специфичную: *төнүэкич* ‘грех, грешно; запрет, табу’, *хинимкин* ‘грех; грешно, нельзя’, *нённь* ‘нельзя, запрещено; грех, грешно’, *нуһуттай* ‘предвещать, накликать беду, несчастье’, *куһамдудай* (Лам), *куһакатлилдай* [ЭРС] ‘есть мясо медведя’.

Сопоставление разнообразных аспектов пищевых табу в культуре локальных групп эвенов и в культурах других народов позволило выявить степень их сходства, области соприкосновения или, наоборот, этнокультурное своеобразие. Выбор грамматических средств, выражающих запрет, является универсальным для многих культур. Общим для всех запретов в этнических лингвокультурах выступает императив «нельзя». Аналогии прослеживаются в типологии и классификации пищевых запретов, а также в семантической структуре формулы запрета.

В полиэтничной среде, в которой проживают эвены, происходит взаимовлияние культур и традиций, что отражается в некоторых пищевых запретах. Например, можно выделить некоторые общие черты в пищевых табу, связанных с тотемным предком — медведем, у якутов и локальных групп эвенов, проживающих на территории Якутии. Многие эвенские запреты, адресованные детям и касающиеся определённых частей тела животных, имеют аналогии в лингвокультуре тюрко-монгольских народов. Оленина является одним из главных продуктов в рационе кочевых эвенов, и с ней связано множество запретов и ограничений в питании. Это отношение к различным частям оленьей туши также нашло отражение в культуре других народов, занимающихся оленеводством. Обнаружены схожие аспекты в регламентах, определяющих этикет и поведение во время трапезы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Принятые сокращения

Лам — ламунхинское; записанное в местности Эндыбал Ламунхинского наслега Республики Саха (Якутия).

Источники и принятые сокращения

1. Бокова Е. Н. Душа эвена. Короткие рассказы, пословицы, загадки, запреты и т. д. / Е. Н. Бокова. — Якутск : Бичик, 1998. — 96 с.
2. Кривошапкин А. В. Тормита буюсэмэ / А. В. Кривошапкин. — Якутск : Бичик, 2018. — 208 с. — ISBN 978-5-7696-5367-4.
3. Лебедева Ж. К. Эвенские приметы и запреты-обереги / Ж. К. Лебедева // Легенды и мифы Севера. — Москва : Современник, 1985. — С. 199—200.

4. ПМА — *Полевой* материал автора Кузьминой Р. П. Интервью в местности Эн-дыбал Ламунхинского наслега Республики Саха (Якутия) : записано в сентябре 2005 г.
5. ССТМЯ — *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков* : в 2 т. / отв. ред. В. И. Цинциус. — Ленинград : Наука, 1975, 1977. — Т. 1. — 672 с.
6. *Фольклор эвенов Березовки* : образцы шедевров / составитель В. А. Роббек. — Якутск : Изд-во ИИМНС СО РАН, 2005. — 362 с. — ISBN 5-902196-02-01.
7. ЭРС — *Эвенско-русский словарь* / В. А. Роббек, М. Е. Роббек. — Новосибирск : Наука, 2005. — 353 с. — ISBN 5-02-032334-9.

Литература

1. Алдын-оолов А. В. Пищевые запреты в тувинской традиционной культуре / А. В. Алдын-оолов // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сборник материалов XI Международной молодежной научной конференции (Томск, 08–10 апреля 2015 г.). — Томск : Изд-во Томского государственного университета, 2015. — Выпуск 11. — Т. 2. — С. 78–85.
2. Арутюнов С. А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России / С. А. Арутюнов // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. — Москва : Наука, 2001. — С. 10-17. — ISBN 5-02-008756-4
3. Березницкий С. В. Мифология и верования орочей / С. В. Березницкий. — Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 1999. — 208 с. — ISBN 5-85803-090-4.
4. Бурыкин А. А. Малые жанры эвенского фольклора. Загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы (исследование и тексты) / А. А. Бурыкин. — Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2001. — 288 с. — ISBN 5-85803-180-3.
5. Варламова Г. И. Мировоззрение эвенков : Отражение в фольклоре / Г. И. Варламова. — Новосибирск : Наука, 2004. — 185 с. — ISBN 5-02-029723-2.
6. Дьячкова Г. С. Традиции и инновации в питании чукчей-оленьеводов в XX веке / Г. С. Дьячкова // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. — Москва : Наука, 2001. — С. 262—270. — ISBN 5-02-008756-4.
7. Едукин Е. В. Ойотунгцы из Аллаихи : (Истор -этноф. очерки) / Е. В. Едукин. — Якутск : Северовед, 2001. — 108 с.
8. Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / В. И. Иохельсон. — Новосибирск : Наука, 2005. — 675 с. — ISBN 5-02-032335-7.
9. Кастен Э. Духовная культура эвенов Быстринского района / Э. Кастен, Р. Н. Авак. — Серия : Языки и культура народов Дальнего Востока России. — [б. и.] : SEC Publications, 2014. — 197 с. — ISBN 978-3-942883-20-7.
10. Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.) : историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Я. И. Линденау ; пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З. Д. Титовой ; под общ. ред. И. С. Вдовина. — Магадан : Кн. изд-во, 1983. — 176 с.
11. Николаев С. И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии / С. И. Николаев. — Якутск : Якуткнигоиздат, 1964. — 200 с.
12. Попова У. Г. Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917—1977 гг. / У. Г. Попова. — Москва : Наука, 1981. — 301 с.
13. Прокопьева П. Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре / П. Е. Прокопьева. — Новосибирск : Наука, 2009. — 143 с. — ISBN 978-5-02-032136-6

14. Роббек М. Е. Традиционная пища эвенов / М. Е. Роббек. — Новосибирск : Наука, 2007. — 164 с. — ISBN 978-5-02-032399-5.
15. Романова Л. Г. Есть или не есть : пищевые запреты в якутской культуре / Л. Г. Романова // Этнографическое обозрение. — 2019. — № 6. — С. 172—183. — DOI: 10.31857/S086954150006199-8.
16. Саввин А. А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии) / А. А. Саввин. — Якутск : ИГИ АН РС (Я), 2005. — 274 с. — ISBN 5-471-00224-5.
17. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. — Москва : Ассоц. «Рос. полит. энцикл.», 1993. — 736 с. — ISBN 5-86004-001-6.
18. Содномпилова М. М. Пищевые запреты и ограничения в традиционном обществе тюрко-монголов Внутренней Азии / М. М. Содномпилова // Народы и религии Евразии. — 2024. — Т. 29. — № 1. — С. 67—79. — DOI: 10.14258/nreur(2024)1-05.
19. Степанова О. Б. Традиционная обрядовая пища северных селькупов / О. Б. Степанова // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на дальнем востоке. — 2024. — № 1. — С. 48—56. — DOI: 10.24866/1997-2857/2024-1/48-56.
20. Тураев В. А. История и культура эвенов. Историко-этнографические очерки / В. А. Тураев, Б. А. Спеваковский, Н. В. Кочешков. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — 180 с. — ISBN 5-02-028337-1.
21. Харючи Г. П. Природа в традиционном мировоззрении ненцев / Г. П. Харючи. — Санкт-Петербург : Историческая иллюстрация, 2012. — 160 с. — ISBN 978-5-89566-115-4.
22. Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа / И. А. Худяков. — Ленинград : Наука, 1969. — 437, [2] с.
23. Шарина С. И. Нижнеколымский говор эвенского языка / С. И. Шарина, Р. П. Кузьмина. — Новосибирск : Наука, 2018. — 184 с. — ISBN 978-5-7692-1603-9.

Статья поступила в редакцию 17.09.2024,
одобрена после рецензирования 26.12.2024,
подготовлена к публикации 22.02.2025.

Material resources

- Bokova, E. N. (1998). *The soul of even. Short stories, proverbs, riddles, prohibitions, etc.* Yakutsk: Bichik. 96 p. (In Russ.).
- ERS, 2005 — Robbek, V. A., Robbek, M. E. (2005). *Evensko-Russian dictionary*. Novosibirsk: Nauka Publ. 353 p. ISBN 5-02-032334-9. (In Russ.).
- Robbek, V. A. (ed.). *Folklore of the Evens of Berezovka: examples of masterpieces*. Yakutsk: Publishing house of the Institute of Pedagogical Sciences of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2005. 362 p. ISBN 5-902196-02-01.
- Krivoshapkin, A. V. (2018). *Tormita buyuseme*. Yakutsk: Bichik. 208 p. ISBN 978-5-7696-5367-4. (In Even.).
- Lebedeva, Zh. K. (1985). Even signs and prohibitions-amulets. In: *Legends and myths of the North*. Moscow: Sovremennik. 199—200. (In Russ.).
- PMA — *Field material by Kuzmina, R. P. Interview in the Endybal area of the Lamunkhinsky district of the Republic of Sakha (Yakutia): recorded in September 2005*. (In Russ.).
- SSTMYa, 1975, 1977 — Riches, V. I. (ed.). *Comparative Dictionary of the Tungus-Manchurian languages: in 2 volumes, I*. Leningrad: Nauka. 672 p. (In Russ.).

References

- Aldyn-oolov, A. V. (2015). Food bans in Tuvan traditional culture. In: *Issues of history, international relations and documentation*. Tomsk: Tomsk State University Publishing House. 11 (2): 78—85. (In Russ.).
- Arutyunov, S. A. (2001). Basic food models and their local variants among the peoples of Russia. In: *Traditional food as an expression of ethnic identity*. Moscow: Nauka Publ. 10—17. ISBN 5-02-008756-4. (In Russ.).
- Bereznitskiy, S. V. (1999). *Mythology and beliefs of the Orochi*. Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies. 208 p. ISBN 5-85803-090-4. (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2001). *Small genres of Even folklore. Riddles, proverbs and sayings, prohibitions, amulets, customs and regulations, omens (research and texts)*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. 288 p. ISBN 5-85803-180-3. (In Russ.).
- Dyyachkova, G. S. (2001). Traditions and innovations in the nutrition of Chukchi reindeer herders in the 20th century. In: *Traditional food as an expression of ethnic identity*. Moscow: Nauka Publ. 262—270. ISBN 5-02-008756-4. (In Russ.).
- Edukin, E. V. (2001). *The Oyotung people from Allaihi: (History) essays*. Yakutsk: Severologist Publ. 108 p. (In Yakut.).
- Haryuchi, G. P. (2012). *Nature in the traditional worldview of the Nenets*. Saint Petersburg: Historical Illustration. 160 p. ISBN 978-5-89566-115-4. (In Russ.).
- Iokhelson, V. I. (2005). *Yukagirs and yukagirized tunguses*. Novosibirsk: Nauka Publ. 675 p. ISBN 5-02-032335-7. (In Russ.).
- Kasten, E., Avak, R. N. (2014). Spiritual culture of the Evens of the Bystrinsky district. In: *Series: Languages and Culture of the peoples of the Russian Far East*. [B. I.]: SEC Publications. 197 p. ISBN 978-3-942883-20-7. (In Russ.).
- Khudyakov, I. A. (1969). *A brief description of the Verkhoyansk district*. Leningrad: Nauka Publ. 437, [2] p. (In Russ.).
- Lindenau, Ya. I. (1983). *Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century): historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the Northeast*. Magadan: Publishing House. 176 p. (In Russ.).
- Nikolaev, S. I. (1964). *Evens and Evenks of Southeastern Yakutia*. Yakutsk: Yakutknig publishing house. 200 p. (In Russ.).
- Popova, U. G. (1981). *Evens of the Magadan region. Essays on the history, economy and culture of the Evens of the Okhotsk coast in 1917—1977*. Moscow: Nauka Publ. 301 p. (In Russ.).
- Prokopyeva, P. E. (2009). *Reflection of mythological thinking in Yukaghir folklore*. Novosibirsk: Nauka Publ. 143 p. ISBN 978-5-02-032136-6. (In Russ.).
- Robbek, M. E. (2007). *The traditional food of the Evens*. Novosibirsk: Nauka Publ. 164 p. ISBN 978-5-02-032399-5. (In Russ.).
- Romanova, L. G. (2019). To eat or not to eat: food bans in Yakut culture. *Ethnographic review*, 6: 172—183. DOI: 10.31857/S086954150006199-8. (In Russ.).
- Savvin, A. A. (2005). *Food of the Yakuts before the development of agriculture (the experience of a historical and ethnographic monograph)*. Yakutsk: IGI AN RS (Ya). 274 p. ISBN 5-471-00224-5. (In Russ.).
- Seroshevsky, V. L. (1993). *Yakuts. The experience of ethnographic research*. Moscow: Assoc. “Russian politics. the encyclopedia.”. 736 p. ISBN 5-86004-001-6. (In Russ.).
- Sharina, S. I., Kuzmina, R. P. (2018). *Nizhnekolymsky dialect of the Even language*. Novosibirsk: Nauka Publ. 184 p. ISBN 978-5-7692-1603-9. (In Russ.).

- Sodnompilova, M. M. (2024). Food bans and restrictions in the traditional society of the Turko-Mongols of Inner Asia. *Peoples and religions of Eurasia*, 29 (1): 67—79. DOI: 10.14258/nreur(2024)1–05. (In Russ.).
- Stepanova, O. B. (2024). The traditional ritual food of the northern Selkups. *Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East*, 1: 48—56. DOI: 10.24866/1997-2857/2024-1/48-56. (In Russ.).
- Turaev, V. A., Spevakovsky, B. A., Kocheshkov, N. V. (1997). *History and culture of the Evenks. Historical and ethnographic essays*. Saint Petersburg: Nauka Publ. 180 p. ISBN 5-02-028337-1. (In Russ.).
- Varlamova, G. I. (2004). *The worldview of the Evenks: Reflection in folklore*. Novosibirsk: Nauka Publ. 185 p. ISBN 5-02-029723-2. (In Russ.).

*The article was submitted 17.09.2024;
approved after reviewing 26.12.2024;
accepted for publication 22.02.2025.*